

Началась эта история много лет назад со встречи молодой певицы Любви Исаевой со знаменитым хоккеистом Вячеславом Фетисовым. Их страстная любовь принесла свой плод — Машу, за жизнь которой мама и папа боролись вместе. Но после рождения, вопреки обещаниям, отец не дал дочке своей фамилии. С этой болью загнанная в угол жизнью Люба пришла к нам в редакцию.

Ирина КОБЫЛКИНА

— Ваш приход к нам с такой деликатной проблемой многим может напомнить писавшие некогда письма в партком.

— Я бы никогда на это не пошла, если бы он в свое время не хотел этого ребенка и если бы теперь мы с дочкой не оказались в таком отчаянном положении.

— Ну тогда давайте с самого начала. На каком этапе вашей жизни произошла встреча с Вячеславом?

— Я работала в Ленинградском государственном концертном оркестре под управлением Анатолия Баджена. Для меня это были замечательные годы. Оркестр имел огромный успех, мы выступали на лучших площадках, на всех больших концертах, я работала рядом с легендами отечественной эстрады. Свободного времени почти не оставалось...

И тут вдруг — он, как принц из сказки?

— Именно — принц и именно — вдруг. Случилось это в январе 1983 года в Ленинграде в холле гостиницы «Октябрьская». Мы условились о встрече с Иосифом Кобзоном. Стою, жду его, вдруг вижу — по лестнице спускаются спортсмены. И среди них — он, Слава. Не то чтобы самый красивый, но самый заметный — в модном тогда стеганом сине-сером пальто, в волчьей шапке, воротник рубашки расстегнут... Я сразу обратила на него внимание, и он тоже заметил меня, это я и сама почувствовала, и он об этом вечером сказал.

— Вечером вы увиделись тоже случайно?

— Да, мы Иосифа Давыдовича провожали на вокзале в Москву. А он с хоккеистами ехал одним поездом. И тут Слава подошел ко мне. Разговорились, он попросил мой телефон, но никак не могли найти ручку, чтобы записать. А он говорит: «Все равно скажи, я запомню».

И запомнил?

— Запомнил, но не позвонил. Так прошло месяцев девять. В октябре вдруг узнаю, что в Ленинград приехала команда ЦСКА. В перерыве между двумя концертами поехала к ним на игру. Успела ко второму периоду, только вышла на трибуну, как он тут же со льда меня увидел. Это была фантастика! После игры мы встретились.

В следующий раз он приехал в марте 84-го. Был как раз его день рождения, ему исполнялось 26 лет. Я испекла пару тортов и поехала в гостиницу, но отметить день рождения мы решили вечером, после моего концерта и после их отбоя. Ровно в 23.00 у хоккеистов был обход тренеров, все должны были в это время уже лежать в постели — режим. Ну а после обхода решили немножко посидеть. Тогда я впервые осталась у Славы...

— Он был свободен?

— Официально — да. Но в тот вечер без конца звонила женщина из Москвы. Когда я спросила, почему она все время звонит, он ответил, что увел ее от мужа и теперь должен жениться.

— Это признание не остановило вас?

— И признание не остановило, и он не отпустил.

Жизнь на скамье запасных

Веч. Москва. — 1999. 21 окт. — с. 15

Любовь Исаева начинает сомневаться в мужской порядочности

На другой день после нашего свидания ЦСКА впервые в том сезоне проиграл. А я, уходя утром, оставила Славу свою концертную программку, на которой написала:

Обиды, обиды... Тот счастлив, В чье сердце им доступ закрыт. И я избегаю обид, Они входят в сердце по капле, А капля и камень точит... Как будто судьбу свою накаркала...

— Почему накаркали — отношения не складывались?

— Отношения-то складывались как раз очень хорошо. Мы виделись редко, но Слава никогда не выходил у меня из головы, а встречи наши всегда были очень теплые. Осенью 88-го я забеременела.

— Как он встретил это известие?

— Замечательно. Правда, со здоровьем у меня были кое-какие нелады. Как только узнал об угрозе выкидыша, приехал, устроил в больницу, нашел надежного врача, который помог сохранить ребенка. Мне и просить-то ни о чем не приходилось. Он все для меня и будущего ребенка делал сам. И всегда говорил: «Ни о чем не беспокойся, он будет носить мою фамилию, материально вы никогда не будете нуждаться».

— Это означало, что семью с вами создавать он не собирался?

— О женитьбе речь не шла, но Слава был со мной, а большего мне и не надо. Беременность протекала и дальше не совсем гладко, но поддержка с его стороны оставалась постоянной. А когда я была на шестом месяце, он тихо и тайно от меня... женился.

— ?

— Когда мне об этом сказали, я

онемела. Даже не плакала, слезы лились сами по себе. А через неделю он пришел и спрашивает: «Ну ты, наверное, обо мне все знаешь?».

Летом родилась Машка.

— Узнав о рождении дочки, он приехал к вам?

— Нет. Уехал в Америку, но, узнав, что родилась Машка, передал через друзей большую коробку с подарками и деньги.

— Что было с вами потом?

— Помыкалась одна с ребенком, собрала вещички и уехала к родителям в Саратовскую область. Два года прожила у них. Потом надо было как-то зарабатывать на хлеб — оставила дочку с мамой и приехала в Москву. Шел 1991 год. Многие из тех, с кем работала раньше, покинули страну. Кто остался, попал в нелегкую ситуацию, в общем, с работой стало худо. Концерты были редкими, да и те больше для поддержания формы, чем для заработка: из десяти концертов восемь — благотворительных.

— О Славе забыли?

— Теперь уж о нем никогда не забудешь — копия всегда под боком. Когда дочке исполнилось пять лет, я забрала ее к себе. В это время он тоже приехал в Москву. Мне очень хотелось, чтобы они встретились, и мы с Машкой поехали к нему сами. Нашли его на корте, он поздоровался и попросил подождать. Мы ждали папу три часа, а он... играл в теннис. Маша измучилась, стала уговаривать меня уйти, но я дождалась, когда до нас дошла очередь.

— Видимо, одного кровного родства не достаточно, чтобы почувствовать себя отцом. Тем более что в браке у Вячеслава тоже родилась дочка, которую он за-

ботливо растит, а тут первая встреча за пять лет... Вы ожидали другой реакции?

— Не знаю, чего я ожидала. Но мне хотелось сказать ему, что, несмотря на заверения, что его ребенок никогда не будет нуждаться, мы не можем свести концы с концами. Он выслушал, дал нам тысячу долларов. Потом еще два раза давал деньги к дню рождения.

— Передавал через знакомых?

— Нет, мы встречались. Я брала с собой дочку. Первый раз она его побавалась, а потом стала к нему тянуться.

— Вашими, очевидно, стараниями?

— Я много рассказывала о нем, со временем создав настоящий культ отца.

— Отца — спортивного кумира?

— Нет, просто отца. Он уже не был спортивным кумиром. Просто памятны были лучшие денечки, и хотелось, чтобы Маша не ощущала себя сиротой при живом отце.

— А какие чувства эти встречи вызывали у папы?

— В последний раз он попросил, чтобы я приехала одна. Но я все равно взяла дочку, попыталась объяснить, что он для нас значит. Это было больше года назад. С тех пор с его стороны — молчание.

— И вы остались без поддержки?

— И без средств к существованию. Той тысячи рублей, что я зарабатываю, хватает на квартплату, проезд в транспорте, хлеб и гречку. Поднять же ребенка, дать ему образование сейчас сами знаете сколько стоит. А девочка не без способностей — хорошо рисует, занимается музыкой, гимнастикой. Отказаться теперь от всего этого?!

— Люба, вы рассказали свою историю, только чтобы выплеснуть наболевшее?

— Мне действительно обидно сейчас слышать, как хорошо у него идут дела без нас. Он заботится о своей младшей дочке, призывает людей не оставлять в беде обездоленных детей, а в это время его собственная старшая дочь, которой он собирался дать свою фамилию, живет в нужде.

— Судя по вашему решительному тону, вы хотите вступить на тропу войны?

— Я десять лет ждала, когда он сам вспомнит о нас и о своих обещаниях. Наступая на горло своей гордости, первой шла навстречу. А теперь жизнь так загнала нас с дочкой в угол, что я вынуждена вновь обратиться к нему. Но теперь уже ища защиты не у наших общих друзей и знакомых, а у закона.

— Почему же вы решили пойти не в суд, а в редакцию, которая таких дел не решает?

— Потому что на адвоката у меня нет денег. Но я буду их искать и хочу, чтобы Слава об этом узнал.

— Вы будете доказывать его отцовство?

— Буду. Не совсем ясно еще представляю, с чего начну, но на то есть юристы.

— Что касается юридической стороны, то Вячеслав ведь может и не согласиться на экспертизу.

— Экспертиза? Да что вы, он же от Маши и не отказывался, помогал нам. Я не думаю, что теперь он станет это отрицать?

— Вы уверены в порядочности мужчины и тем не менее своими публичными откровениями хотите внести раздор в его семью?

— А для Славинной жены это не новость. О том, что у него вот-вот родится ребенок, она знала еще до свадьбы и вряд ли теперь забыла.

— И все-таки, Люба, на рождение ребенка вы десять лет назад пошли сознательно, а теперь дело ведете к суду. Почему?

— Потому что он был моей опорой. И уверял, что всегда ею будет. А мужчина — если он мужчина — свое слово должен держать.

P.S. В этой истории не все однозначно, и мы далеки от того, чтобы упрекать заочно когда-то всенародного любимца. Жизнь не кончается, возможно, все еще встанет на свои места, но не услышать крик души Любви Исаевой мы тоже не могли.

21.10.99

Исаева Любове